

Глава 17. Отец-повелитель

— Обряд завершён. Прошу всех к столу, — голос Мянъцинь вывел Чэньша из оцепенения.

Он порывался встать вслед за Минъянь, но ноги предательски ослабли. В ту же секунду чья-то рука подхватила его, помогая подняться и мягко направляя к месту. Чэньша ощутил, как к нему возвращается способность дышать, а бешено колотящееся сердце немного замедляет бег. Оглядевшись, он понял, что рядом сидит Лю Ин — это он успел перехватить Минъянь и поменяться с ней местами, заметив состояние друга. Минъянь смотрела на них с лёгким недоумением, явно не успев осознать маневр лекаря.

Лю Ин ободряюще улыбнулся, глядя на бледное лицо юноши. Чэньша хотел ответить такой же улыбкой, мол, «всё в порядке», но сил не хватило даже на то, чтобы просто улыбнуться.

— Дорогие гости, надеюсь, ваш путь был благополучен... — Цинь Фэн поднялся, произнося положенную по этикету приветственную речь.

Как глава союза торговцев принимающей стороны, он вещал уверенно и гладко, но Чэньша его почти не слышал. Сознание путалось. Он не смел поднять глаз, чтобы рассмотреть, как выглядит император Фэн Ян — само движение в сторону подиума казалось ему сейчас непосильным подвигом.

Внимание Чэньша невольно привлекло имя Лу Юйчэня.

— Позвольте представить: специальный посланник императора Сюаньмина из страны Сяогуан, молодой господин Чэнь Ши...

Чэнь Ши? «Честный Чэнь»? Чэньша едва заметно усмехнулся про себя. Лу Юйчэнь в своём репертуаре: обманывая стольких людей ложными именами, он открылся ему почти сразу.

— К сожалению, полномочный представитель Чжаньхая, ванье Хуайюй, вместе с торговой делегацией задержан затяжными ливнями и всё ещё находится в пути...

Чэньша старался заполнить голову этими мелкими фактами, лишь бы вытеснить удушающий страх. — фамилия правящего рода Чжаньхая, значит, того принца зовут Цзян Хуайюй. «Хуайюй» — дождь в лоне... В именах этого водного края вечно сквозила морская прохлада. Когда Цинь Фэн официально объявил начало пира, к Чэньша наконец вернулось самообладание. Лишь холодная, пропитанная потом одежда напоминала о недавнем приступе паники.

Гарем союза Цинь состоял в основном из тех, кого главе преподносили деловые партнёры. Многие из них обладали талантами в искусствах, и Минъянь заранее подготовила программу выступлений. Однако Лу Юйчэнь бесцеремонно нарушил порядок. Едва первая красавица

приготовилась выйти на сцену, он поднял кубок, обращаясь к Фэн Яну и Цинь Фэну:

— Господин Чэнь безмерно польщён честью сидеть за одним столом с императором Ян Куном и главой союза Цинь. Позвольте мне первым поднять этот кубок за ваше здоровье. Прошу!

Слыша голос Лу Юйчэня и видя спокойствие Цинь Фэна, Чэньша наконец нашёл в себе смелость взглянуть вверх. Император Фэн Ян был именно таким, каким его рисовало воображение: воплощение властного равнодушия и сурового величия. Поразило другое — Фэй называл его «отцом-повелителем», но Фэн Ян выглядел на удивление молодо, почти ровесником Цинь Фэна.

Цинь Фэн в своём роскошном одеянии ничуть не уступал венценосному гостю. Годы управления торговым союзом выковали в нём выдержку, которой позавидовали бы многие вельможи. Лу Юйчэнь же улыбался, ведя себя так непринуждённо, словно подобные пиршества были для него повседневной рутинной.

— Ваше Высочество изволит шутить, — небрежно отозвался Фэн Ян, осушив кубок.

«Высочество?» Чэньша наострил уши, но император лишь обозначил статус гостя, не спеша раскрывать карты до конца.

Лу Юйчэнь, проигнорировав обращение, обернулся к Цинь Фэну:

— В благодарность за гостеприимство у меня нет иного подарка, кроме своего искусства. Позвольте мне сыграть для вас?

Для знатного гостя выступать в роли забавника было несколько сомнительно, но Цинь Фэн не стал возражать:

— Господин Чэнь слишком скромн. Я с нетерпением жду возможности услышать вашу игру. Подайте «Девять Фениксов»!

Слуги мигом принесли изысканную цитру. Лу Юйчэнь, пренебрегая церемонным омовением, лишь сполоснул руки в поданном тазу и коснулся струн. В его движениях сквозила суровая простота северных народов.

Чэньша мало смыслил в музыке, зная лишь нежные напевы Нин Сюэжо. Обычно игра на цитре представлялась ему чем-то эфирным, текучим, словно туман над озером. Но Лу Юйчэнь играл иначе. После спокойного вступления мелодия взорвалась яростным, стремительным ритмом. Это не был Цзяннань — край рек и ив. Это был лязг стали, топот конницы и бескрайний простор великой степи. Кровь закипала, страх отступал под напором этой первобытной мощи.

Цинь Фэн явно не ожидал такой экспрессии, но, привыкший к неожиданностям, первым

поднял кубок:

— Ваша игра, господин Чэнь, воистину захватывает дух. Позвольте выразить моё восхищение.

Фэн Ян сдержанно кивнул:

— Достойная вещь.

Чэньша не сводил глаз с гостя. Тягучий, липкий ужас, сковывавший сердце, был выжжен этой мелодией дотла. Лу Юйчэнь поймал взгляд юноши и тепло улыбнулся. Чэньша почувствовал, как к щекам приливает жар — было невозможно не понять, для кого на самом деле предназначалась эта песня. В порыве чувств он схватил свой кубок и осушил его до дна, забыв об одной важной детали...

О том, что Чэньша совершенно не умеет пить, в поместье знал только Цинь Фэн. Лю Ин, сидевший рядом, не стал его останавливать — он решил, что Чэньша просто празднует избавление от страха, и лишь подкладывал ему лучшие кусочки в тарелку.

На подиуме Цинь Фэн был увлечён беседой и не сразу заметил перемену в поведении юноши.

— Сяо Ша? — Мянцзинь обеспокоенно посмотрела на него. — Не налегай на вино, съешь чего-нибудь.

Чэньша поднял на неё затуманенный взгляд. Его щёки пылали, глаза блестели, а губы были влажными от вина. Он выглядел донельзя послушным и кротким. Мянцзинь решила, что бедняга всё ещё не оправился от встречи с Фэн Яном, и не стала докучать ему расспросами.

Когда очередная танцовщица закончила своё выступление и под аплодисменты вернулась на место, Чэньша внезапно встал. Он сделал это так резко, что следующий участник, собиравшийся танцевать с мечом, от испуга рухнул обратно на пол.

Не дожидаясь тишины, Чэньша легко перешагнул через стол, даже не задев подолом одеяния посуду.

Цинь Фэн замер. Фэн Ян сощурился, он посмотрел остро и пронзительно. Лу Юйчэнь застыл с палочками в руках.

Достав из-за пояса бамбуковую флейту, Чэньша обвёл присутствующих странным взглядом и... улыбнулся. Это не была его привычная мягкая улыбка. В ней сквозил вызов, порочная грация и почти осязаемое искушение. Взмах руки — и красная кисть на флейте прочертила в воздухе изящную дугу.

Мгновение — и наваждение исчезло, лицо юноши вновь стало бесстрастным. Лишь один человек за столом почувствовал, как в груди болезненно ёкнуло от этой знакомой до дрожи мимики.

Пальцы порхали над отверстиями флейты. Звук лился чистый и прозрачный, словно весенний дождь. В унисон мелодии засиял Нефрит Короля Драконов Чжаньхай. И тут произошло немыслимое: вино и чай из кубков на столах начали подниматься в воздух, сплетаясь вокруг Чэньша в тонкую, сверкающую водяную сеть.

Все ждали продолжения музыки, но флейта резко смолкла. Чэньша протянул левую ладонь кверху, словно пытаясь поймать капли невидимого дождя. Его лицо исказилось отчаянием и благоговением. Тонкие струйки воды стекали в его ладонь, но неизбежно просачивались сквозь пальцы. Видя своё бессилие, он закусил губу, в глазах закипала влага. Многие в зале почувствовали, как к горлу подступает ком — настолько искренним было это безмолвное горе.

Внезапно водяная сеть начала стягиваться. Юноша в панике озирался, ища выход, но стены из воды были непреодолимы. Это была уже не игра, а трагическая история, разыгрываемая в центре зала.

Струи воды хлестали по рукам, разрывая шёлк рукавов. На обнажённой белой коже проступили алые полосы. Мокрые волосы прилипли к лицу, превращая его в затравленного, незащитного зверька. Страх в его глазах, холодный и пронзительный, словно острой иглой прошивал сердца зрителей.

Чэньша медленно опустился на колени, обхватив себя руками, покорно принимая удары стихии. Его плечи мелко дрожали, как ветви дерева под бурей. Казалось, он вот-вот сломается.

Но тут он словно услышал какой-то далёкий зов. Собрав остатки сил, он поднялся. Прижимая флейту к груди, шатаясь под тяжестью водяных оков, он сделал рывок вперёд. Водяная сеть рассыпалась мириадами брызг, промочив его до нитки.

Шаг, ещё один... Он тяжело поднимался по ступеням к главному подиуму. Он едва не упал, но выпрямился, и в его взгляде горела обречённая решимость.

Трое мужчин за главным столом сидели неподвижно.

Чэньша не замечал их взглядов. Он рухнул на колени перед самым почетным местом. Глядя куда-то сквозь императора, он печально улыбнулся, и в этом выражении было столько нежности и боли, что оно казалось невыносимым.

Ломкий, прерывистый голос, в котором слышались слёзы, преданность и безнадежность, прошелестел в тишине:

— Отец... повелитель... хотел... очень хотел... увидеть... Белую...

Флейта выпала из ослабевших пальцев. Юноша начал заваливаться набок, хрупкий, словно ледяная фигурка. Услышав это обращение, Фэн Ян почувствовал резкую боль в груди. Он вскочил, желая подхватить падающее тело, но его опередили.

Лу Юйчэнь.

В этот миг Фэн Ян понял: он что-то потерял. Окончательно и бесповоротно.

Много лет назад он собственноручно напоил этого мальчика ядом «Лишённый жизни», стирая его личность и превращая своего приёмного сына в послушную куклу. Он запретил кому-либо прикасаться к этому телу, считая это заслуженной карой за предательство.

Но годы шли, и пустота в душе росла. Старый евнух, видевший его муки, как-то сказал: «Государь, раскаяние — это медленная казнь. Она начинается именно тогда, когда вы уже совершили непоправимое и лишили себя права на прощение».

Когда Фэн Ян узнал, что куклу забрал Цинь Фэн, его ярость не знала границ. Но известие о том, что юноша очнулся и обрёл сознание, испугало его ещё больше. Он посылал убийц, боясь, что его слабость станет оружием в руках врага. А потом пришла весть о потере памяти.

Он готов был простить предательство, готов был заключить с Цинь Фэном любую сделку, лишь бы вернуть его. Он хотел верить, что если Фэй ничего не помнит, то он снова сможет стать его отцом-повелителем.

Игра Лу Юйчэня наполнила зал стихией земли. Этот северный мотив — «Разрушение массива» — невольно подавил остатки действия яда, а выпитое вино довершило дело. На мгновение крохотный осколок сознания Фэя, всё ещё таившийся в глубине души, вырвался наружу, чтобы в последний раз исполнить свой долг перед тем, кого он когда-то любил.

Это было прощание. Фэн Ян видел, как в глазах юноши гаснет последняя искра узнавания. Двадцать лет назад он убил его тело, сегодня — окончательно исчезла его душа. Тот, кто лежал сейчас в руках Лу Юйчэня, был совершенно другим человеком.

Двое мужчин склонились над потерявшим сознание юношей, и каждый прошептал своё имя.

— Фэй...

— Ша...

Оба они ошибались. Ибо человек, рождённый заново, сам выбрал себе имя, сохранившее пепел

прошлого и искру будущего.

Его звали Чэньша.

<http://bllate.org/book/17524/1695108>